Вечерние лекции целиком и полностью были посвящены Искусству мириад мечей: на первой отрабатывали боевые приемы, на второй — заучивали формулы мысленного настроя.

Это было самое высшее учение секты Ванцзянь, и, как поговаривали, оно существовало в нескольких редакциях. Адепты внешнего круга довольствовались самым упрощенным вариантом, тогда как личным ученикам вручали полный текст.

Впрочем, какую бы рукопись им ни доверили, старейшины предоставляли ребятам постигать азы самостоятельно: сколько кто сумеет уяснить, зависело лишь от их собственного прилежания.

Так или иначе, нефритовые свитки с формулами мысленного настроя уже лежали у каждого в кармане, а на личные устройства связи преподаватели скинули три видеозаписи, где владыки пиков Цзяньцан, Цзяньлу и Цзяньсяо лично демонстрировали исполнение Искусства мириад мечей.

Принимая во внимание текущий уровень подготовки новичков, на записях были запечатлены лишь три первые стойки.

Юнь Фэймяо не горел желанием выставлять плоды своих трудов на всеобщее обозрение перед Ло Шуанбаем, а потому на протяжении всего урока боевых искусств лишь прилежно всматривался в экран, мысленно разбирая движения по косточкам. Лишь тогда, когда тот или иной выпад казался ему непривычным или недостаточно плавным, он вскидывал клинок и делал пару пробных взмахов.

Остальные соученики, видя это, не усмотрели в его поведении ничего предосудительного, списав всё на индивидуальные привычки в учебе.

Один лишь Ло Шуанбай смутно догадывался, что Юнь Фэймяо, скорее всего, попросту держит ухо востро и таится от него.

Вот только к чему эти секреты?

С точки зрения Ло Шуанбая, скрытничать стоило лишь тогда, когда дела твои шли из рук вон плохо — исключительно ради того, чтобы не сделаться посмешищем для окружающих.

Если же ты схватываешь всё на лету и преуспеваешь в учебе, то плоды своего мастерства надлежит демонстрировать открыто и с размахом, дабы заставить всех вокруг трепетать перед твоим величием и взирать на тебя снизу вверх.

А раз так, то юный господин Юнь остался ровно тем же, кем и был прежде — ленивым бездельником, который впустую губит свой уникальный дар и не стремится к вершинам.

Ему и невдомек было, что стоило Юнь Фэймяо вернуться на пик Цзяньсяо, как он тут же обнажил меч и в один миг без единой запинки исполнил три первые стойки Искусства мириад мечей.

Сы Цзюньчжань, наблюдавший за этим со стороны, не удержался от восхищенных аплодисментов:

— А младший брат и впрямь наделен поразительным талантом! В первый же день ухитрился безупречно повторить все три выпада. И пускай отдельные связки пока выглядят несколько натянуто, стоит повторить их еще пару раз, как движения станут абсолютно плавными.

Сам Юнь Фэймяо не видел в этом никакого подвига:

— А Фэн тоже всё выучил, и его движения выходят куда изящнее моих.

Сам-то он по скорости продвижения шел примерно вровень с Ло Шуанбаем. И пускай на фоне остальных личных учеников это выглядело впечатляюще, но раз ему не удалось обойти Ло Шуанбая, то радоваться было нечему. В конце концов, этот субчик до сих пор спит и видит, как бы прибрать к рукам его ауру удачи!

Вспомнив о прогрессе Ло Шуанбая, Юнь Фэймяо невольно удрученно вздохнул.

Тот парень ведь обладал великолепным даром и незаурядной внешностью, но по воле дурацкой системы свернул на кривую дорожку и теперь целыми днями торговал лицом перед кучкой отъявленных мерзавцев.

В его вещем сне Сыту Синь умудрился пырнуть ножом своего же нареченного, после чего принялся выкачивать из него кровь и вырезать духовные корни — тварь из тварей, не помнящая родства.

Тот тип по имени Янь Янь-младший тоже оказался хорош: только и делал, что без конца вился вокруг Янь Яня, выведывая подноготную о Гун Чжоу. А после того как лишил Гун Чжоу жизни, ухитрился свалить всю вину на самого Янь Яня, из-за чего несчастного лишили культивации и с позором выставили за ворота ордена, где тот и принял лютую смерть от рук темных практиков.

Был там еще один деятель из секты Короля Лекарств по имени Цзян Байшу. Втайне он крутил амуры с Ло Шуанбаем и то и дело подворовывал целебные пилюли у их главной старшей сестры Ци Юйли, дабы преподнести их в дар своему ненаглядному. На людях же он изо всех сил изображал преданного ухажера Ци Юйли, и стоило той прилюдно повздорить с Ло Шуанбаем, как этот подлец тут же вставал на сторону девицы и принимался мотузить Ло Шуанбая вместе с ней. Один раз он даже ухитрился серьезно пронзить Ло Шуанбая мечом на глазах у всех…

И каждый раз сценарий повторялся: днем он избивал Ло Шуанбая до полусмерти, а под покров ночи являлся со слезными извинениями. И если Ло Шуанбай не спешил являть милость и прощать обидчика, тот брал его силой — сперва грубыми поцелуями, а после и полноценным насилием…

У Юнь Фэймяо от одних этих воспоминаний перехватывало дыхание от отвращения. И как только Ло Шуанбай ухитрялся терпеть подобные издевательства? В его кошмаре закадровый голос уверял, будто у этих двоих просто-напросто такая трагическая любовь, сотканная из взаимных обид и непреодолимой страсти.

Юнь Фэймяо не понимал этого и был глубоко потрясен.

Ах да, на пике Укрощения Зверей ведь тоже имелся свой самородок по имени Лу Цзыяо. Как поговаривали, он приходился дальним родственником клану Лу Северного континента, но из-за наличия небесного духовного корня земли в его душе зародилось великое множество грязных амбиций. То он планировал возглавить побочные ветви рода ради свержения основной семьи, то лез на рожон, пытаясь оспорить место главного ученика у Сун Хаокуня. Поняв, что силой соперника не одолеть, он не придумал ничего лучше, как соблазнить обожаемую дочь главы секты. В итоге парень благополучно заделался зятем самого владыки и в некоторых вопросах имел куда больший вес, нежели законный преемник Сун Хаокунь.

А после он по уши влюбился в Ло Шуанбая и, решив, будто осквернил себя сожительством с нелюбимой, без тени сомнения лишил жизни несчастную дочь главы, которая якобы «испачкала» его своей близостью. Всю вину за это злодеяние он ловко перевалил на Сун Хаокуня, благодаря чему занял пустующее кресло главного ученика ордена Укрощения Зверей и принялся втихую спускать ресурсы родной секты на содержание и возвеличивание Ло Шуанбая.

Согласно логике того сна, подобные бесстыдные и бесчеловечные поступки именовались «сокрушением любых преград ради истинной любви». А то, что он впоследствии отдал всё до последнего гроша ради безмолвного служения объекту страсти, не требуя ничего взамен, и вовсе считалось величайшим самопожертвованием, суть которого обычным смертным постичь не дано.

Юнь Фэймяо и впрямь не понимал этого. В его представлении такой подонок, как Лу Цзыяо, заслуживал лишь того, чтобы его искромсали на тысячу кусочков, а душу развеяли по ветру без права на перерождение.

К тому же закадровый голос в его кошмарах уверял, будто Ло Шуанбай ничуть не разгневался из-за того, что тело его возлюбленного было «осквернено» другой женщиной, и всё равно согласился быть с ним. Для Лу Цзыяо подобное великодушие стало истинным спасением, а сам Ло Шуанбай превратился в единственный лучик света в его беспросветной жизни.

Юнь Фэймяо еще во время просмотра этого сна исходил знаками вопроса. С какой стати Ло Шуанбаю вообще нужно было из-за этого переживать? У Лу Цзыяо за всю жизнь была лишь одна-единственная женщина, да и ту он заманил в свои сети обманом.

Тогда как у самого Ло Шуанбая к тому моменту сменился уже не один десяток кавалеров! И с каждым из них у него была великая взаимная любовь.

Оба хороши, так с чего бы им воротить нос друг от друга?

Стоило Юнь Фэймяо воскресить в памяти вторую половину своего вещего сна, как на его лице неизменно проступало донельзя неописуемое выражение. И пускай природа наградила его редкостной красотой, подобные гримасы выглядели так комично, что невольно вызывали улыбку.

Сы Цзюньчжань не выдержал и легонько стукнул его по макушке своим складным веером:

— Чего это ты застыл посреди двора как неприкаянный? А ну живо марш тренироваться! Пока не начнешь управляться с клинком так же легко и изящно, как твой третий брат, то об отдыхе можешь даже не мечтать.

— Ой, сейчас-сейчас, — Юнь Фэймяо поспешно закивал головой и тут же придвинулся поближе к Се Яну. — А Фэн, поможешь мне отточить связки?

— Разумеется.

Се Ян согласно кивнул: он и сам планировал предложить помощь. Кто же мог подумать, что Юнь Фэймяо после первого же круга погрузится в свои мысли и начнет витать в облаках.

Подобное случалось и прежде, и Се Ян как-то раз из чистого любопытства попытался расспросить друга о причинах такой задумчивости. Юнь Фэймяо тогда явно порывался открыть ему душу, но какая-то неведомая сила словно сковала его уста, не позволив издать ни звука.

Поэтому впредь, сталкиваясь с подобными приступами отрешенности у товарища, Се Ян больше не лез к нему с расспросами.

Парни усердно упражнялись с мечами добрых два часа и лишь после этого разошлись по своим комнатам ради отдыха.

Для Юнь Фэймяо отдых означал именно то, чем он и являлся: едва переступив порог, он рухнул на кровать и мгновенно провалился в глубокий сон. Благо небесный духовный корень умел самостоятельно поглощать первозданную энергию из окружающего мира, да и сам юноша с малых лет привык запускать циркуляцию формул прямо во сне, усваивая духовные токи.

И пускай при подобном дедовском методе скорость продвижения по ступеням культивации оставляла желать лучшего, это всё равно было куда полезнее, нежели простое безделье.

Се Ян же предпочитал проводить часы отдыха в медитации. Пускай по своей эффективности для восстановления сил этот способ уступал полноценному сну, зато позволял совместить приятное с полезным.

Впрочем, помимо привычной тренировки, Се Ян этой ночью вознамерился провести один важный мысленный эксперимент.

Он еще в раннем детстве догадывался, что не приходится родному клану Се родным сыном по крови. Среди всех детей его поколения он обладал самым выдающимся даром и безупречными способностями, однако условия его жизни были худшими из худших: его изо дня в день подвергали жестоким истязаниям и унижениям, ласково именуя эти пытки «испытаниями, предначертанными судьбой для обладателя небесного корня».

Се Ян вполне готов был принять разумные трудности ради закалки духа, но вот влачить жалкое существование, напрочь лишенное какого бы то ни было человеческого достоинства, он не собирался. Его повседневная жизнь в стенах родного дома была куда более беспросветной, нежели у любой цепной собаки семейства Се.

И тогда в возрасте пяти лет он решился на побег. Целый год он скитался по дорогам, терпя голод и стужу, пока судьба наконец не привела его к воротам города Юньчэн.

В тот день он, израненный, замерзающий и обессилевший от голода, едва не испустил дух прямо посреди заснеженного пустыря — и именно Юнь Фэймяо самолично откопал его из сугроба.

Сквозь пелену угасающего сознания он на мгновение приоткрыл глаза и успел заметить искаженное глубоким испугом и жалостью личико маленького Юнь Фэймяо. В тот миг мальчику показалось, будто его искренние мольбы в полуразрушенном храме были услышаны небесами, и боги ниспослали своего юного слугу ради его спасения.

Окончательно придя в себя, он понял, что перед ним вовсе не бессмертный небожитель, а просто очень добрый и отзывчивый ребенок. Однако в его сердце Юнь Фэймяо с того самого дня сделался куда прекраснее любого ангела.

Ведь те мифические существа восседали на своих заоблачных высотах, их нельзя было ни увидеть, ни коснуться, и уж подавно никто из них не спешил протянуть ему руку помощи.

Тогда как его маленький А-Мяо не просто спас его от лютой смерти — он дал ему новое имя, помогал смыть грязь и переодеться в чистые одежды, подкладывал лучшие кусочки за столом

и кормил с ложечки. Он брал его с собой на уроки грамоты и совместные тренировки, а по ночам нежно обнимал, рассказывая сказки, дабы убаюкать и прогнать ночные кошмары.

Се Ян в ту пору прекрасно знал, что Юнь Фэймяо младше его самого на целых два года, однако он слишком сильно истосковался по человеческому теплу и ласке, а потому эгоистично желал как можно дольше наслаждаться этой заботой.

Он дал себе слово: стоит ему подрасти и набраться сил, как он сам станет оберегать и опекать своего А-Мяо.

Вот только он никак не мог предположить, что в один прекрасный день на его пороге вновь объявится тот самый человек, который столько лет превращал его детство в сущий ад и которого он привык именовать своим отцом.

http://bllate.org/book/17668/1663195